ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ ШКОЛЪ
ДЛЯ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССІИ.

Протоіерея В. С. Маркова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1899.

(Отдѣльный оттискъ изъ № 5 **Душеполезнаго Чтенія** 1899 г.)

Историческое значеніе церковно-приходскихъ школъ для православной Россіи.

Протоіерея В. С. Маркова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1899.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Марта 22 дня 1899 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ ШКОЛЪ
ДЛЯ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССІИ.

(Рѣчь, произнесенная 14 февраля 1899 года, на годичномъ общемъ собраніи членовъ Московскаго епархіальнаго училищнаго Кирилло-Меѳодіевскаго Братства).

Одинъ изъ самыхъ, несомнѣнно, важныхъ, живыхъ и, можно сказать, насущныхъ современныхъ намъ вопросовъ есть, безспорно, вопросъ о народномъ образованіи. Касаясь всѣхъ сторонъ жизненныхъ отношеній, онъ, естественно, затрогиваетъ интересы всѣхъ слоевъ общества и потому привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе. Разрѣшеніемъ этого вопроса озабочено Правительство, къ нему прилагаетъ свое попеченіе Церковная Власть, наука и литература охотно оказываютъ ему свои услуги. Требованія жизни поставили въ настоящее время вопросъ о народномъ образованіи на первый планъ. Наше дорогое, любезное Отечество призвано Провидѣніемъ къ разрѣшенію высокихъ міровыхъ задачъ: къ сохраненію, вмѣстѣ со всею православною вселенскою Церковію, и уясненію, для всего человѣчества, великой идеи вѣчныхъ истинъ Богооткровенной религіи. Выдѣляясь изъ всѣхъ, современныхъ намъ, народовъ міра обширностію занимаемаго имъ пространства и крѣпостію своихъ духовныхъ задатковъ, великая Россія въ настоящее время обнаруживаетъ особенное стрем-

леніе къ своему умственному и нравственному развитію. Но, при этомъ быстростремительномъ движеніи, какая нужна бдительность, чтобы не сбиться съ истиннаго пути на ложный! Несомнѣнно, что образованіе есть сила, но благодѣтельная только въ томъ случаѣ, если она дѣйствуетъ въ должномъ направленіи; это—мечъ обоюдоострый. Эта великая нравственная сила, для того, чтобы быть благотворною, а не разрушительною, должна имѣть вѣрное и твердое направленіе, должна идти строго правильнымъ путемъ, не уклоняясь отъ указанной ей высшей, нравственной, цѣли.

При разсмотрѣніи всякаго предмета съ различныхъ точекъ зрѣнія, естественно, возникаютъ и различные взгляды на него, смотря потому, съ какой стороны, съ какими цѣлями наблюдаютъ его. Самая лучшая гарантія правильнаго рѣшенія всякаго жизненнаго вопроса, по нашему мнѣнію, заключается въ выводѣ сего рѣшенія изъ данныхъ опыта, изъ непререкаемыхъ свидѣтельствъ исторіи. Если же мы прослѣдимъ исторію нашего русскаго образованія, то мы легко-увидимъ, когда это образованіе было благодѣтельно, при какомъ своемъ направленіи оно достигало высшей желательной цѣли—нравственнаго усовершенствованія—какъ цѣлаго народа вообще, такъ и каждаго человѣка въ отдѣльности. Изъ исторіи образованія нашего православнаго русскаго народа мы убѣдимся, что самою пригодною для его развитія, самою любезною для него школою, съ которою онъ сроднился на пространствѣ многихъ вѣковъ его исторической жизни, всегда была школа церковная.

Войдемъ въ историческое разсмотрѣніе народнаго образованія въ древней Руси. Перенесемся мыслію въ ту, отдаленную отъ насъ цѣлымъ рядомъ вѣковъ, эпоху, когда предки наши, оставивъ язычество, еще только начинали усвоять себѣ начала новой, принятой ими, христіанской вѣры. И здѣсь уже мы встрѣчаемъ личности, отличающіяся высокою нравственною, святою, жизнію. Напримѣръ, свя-

тые Борисъ и Глѣбъ,— какіе это высоко-нравственные характеры! Какъ пріятно встрѣтиться съ подобными именами, особенно въ эпоху только лишь возникающей нравственной жизни,—пріятно тѣмъ болѣе, что и въ послѣдующее время не часто встрѣчаются они; и во все продолженіе исторіи не перестаютъ быть явленіями рѣдкими, возбуждающими особенное чувство благодарности и уваженія. Очень жаль, что наши лѣтописи, занятыя описаніями войнъ, междоусобныхъ ссоръ, военныхъ походовъ въ чужія земли, завоеваній странъ и городовъ, и вообще событій внѣшнихъ, слишкомъ коротки въ разсказахъ о людяхъ подобнаго рода. Намъ хотѣлось бы посмотрѣть, какъ подъ ихъ вліяніемъ развивалась домашняя жизнь въ семействахъ, какъ совершалось домашнее образованіе и воспитаніе. Одинъ только разсказъ находимъ у преподобнаго лѣтописца Нестора изъ молодости этихъ двухъ знаменитыхъ братьевъ, Бориса и Глѣба,—сыновей св. Владиміра. Отпустилъ великій князь Владиміръ старшихъ сыновей своихъ по областямъ; съ нимъ остались только два младшіе. Глѣбъ былъ очень молодъ возрастомъ; старше его былъ Борисъ; онъ былъ уже наученъ грамотѣ, читалъ книги, особенно житія Святыхъ. Слезы лились ручьемъ изъ глазъ его, когда читалъ онъ сказаніе о святыхъ подвигахъ, а Глѣбъ сидѣлъ около него и не отходилъ, слушая, что читалъ братъ его. Такъ иногда проводили они не только дни, но и ночи.

Гдѣ же учились такому времяпровожденію юные князья и подобные имъ сверстники ихъ? Гдѣ были первыя наши общественныя училища?—Онѣ были въ тѣхъ благодатныхъ мѣстахъ, которыя въ древности далеко кругомъ себя распространяли свое благодѣтельное нравственное вліяніе,— разумѣемъ монастыри. Какимъ-то чуднымъ, благодатнымъ духомъ вѣетъ отъ этихъ убѣжищъ древнихъ подвижниковъ благочестія. Если трудъ существенно принадлежитъ человѣку, если подвигомъ онъ живетъ и развивается, то это развивающее начало нашло себѣ лучшее убѣжище въ древ-

немъ монастырѣ нашемъ; оно глубоко проникло въ него и крѣпко слилось съ самымъ понятіемъ монаха. Загляните въ древнюю келію монастырскую. Вотъ собрались тамъ двое или трое строгихъ иноковъ; одинъ сидитъ и пишетъ книгу, другой сшиваетъ уже написанное въ тетрадь, а третій прядетъ волну и тихо поетъ псалмы Давидовы. И сколько написали и оставили потомству эти неутомимые труженики! Какія огромныя книги служатъ свидѣтелями ихъ труда! Невольно теперь удивляемся ихъ усердію. Не думайте, чтобы монастырь въ это древнее время ограничивалъ свою благотворную дѣятельность тѣснымъ кругомъ лицъ, исключительно себя посвятившихъ ей; нѣтъ, между міромъ и монастыремъ не было внѣшней отчужденности. Монастырь, напротивъ, былъ средоточіемъ всего, что въ мірѣ стремилось къ развитію началъ подвижническихъ; къ нему тяготѣло окрестное населеніе затѣмъ, чтобы поучиться доброму, посмотрѣть на подвигъ и вдохновиться имъ. Здѣсь не только преподавались уроки благочестія и добрыхъ дѣлъ, но и развивалась грамотность, и выучившіеся расходились изъ монастыря по окрестнымъ селеніямъ. Самый подвигъ тогдашняго инока опредѣлялся не только аскетическимъ, но и образовательнымъ трудомъ. «Иноку, говоритъ великій игуменъ, Ѳеодосій Печерскій, надлежитъ быть бодрымъ на пѣніе церковное, на преданія отеческія и на почитаніе книжное; имѣть любовь и назиданіе къ меньшимъ, повиновеніе къ старшимъ». И далеко за стѣны монастырскія распространялось благодѣтельное вліяніе иноческаго подвига. О святомъ Ѳеодосіи Печерскомъ, знаменитый его біографъ, преподобный Несторъ, говоритъ, что онъ заботился не только о черноризцахъ, но и о мірскихъ душахъ; ходилъ въ домы своихъ духовныхъ чадъ, утѣшалъ, наставлялъ ихъ и преподавалъ имъ благословеніе. Нерѣдко въ монастыри сходились князья совѣтоваться о своихъ предпріятіяхъ и отсюда почерпали нравственную энергію для своего общественнаго подвига. При такомъ положеніи монастыря въ древнемъ обществѣ становится

понятнымъ то, какъ смиренные иноки могли вести подробныя и вѣрныя лѣтописи о всѣхъ событіяхъ, совершавшихся въ Отечествѣ.

Вмѣстѣ съ монастырями дѣло народнаго образованія въ древней Руси раздѣлялось и всѣмъ духовенствомъ. Оно было передовымъ сословіемъ тогдашняго общества, относительно образованности, и въ своихъ представителяхъ глубоко понимало важность своей обязанности ученія. Одно духовное лицо говорило: «попови что есть ино дѣло, развѣ ученья»? Эти замѣчательныя слова показываютъ, что духовенство не понимало другого занятія и назначенія для себя, кромѣ обученія. Это—преимущественное занятіе духовнаго лица,—ученіе въ церкви, ученіе въ школѣ,—изустное и книжное. Духовенство первое принялось за народное образованіе уже и потому, что болѣе, чѣмъ всякое другое сословіе, нуждалось въ немъ, и однимъ появленіемъ своимъ въ сферѣ общественной вызвало необходимость училищъ. Развиваясь само въ училищахъ, тамъ же оно совершало и образованіе народа. Но, говоря о благотворномъ вліяніи нашей школы на народную жизнь, на воспитаніе народа, на укрѣпленіе въ немъ лучшихъ инстинктовъ и смягченіе нравовъ, никогда не должно упускать изъ виду, что это совершаетъ школа, созидаемая и руководимая только церковію. Никакая школа въ мірѣ, какъ бы ни была она совершенна, сама по себѣ не можетъ достигнуть того, что совершаетъ церковь. И дѣйствительно, наша древняя школа не отдѣлима отъ церкви: вмѣстѣ съ нею она явилась, отъ ней питалась, ея духомъ жила и въ ней черпала свою силу. Такимъ образомъ, непосредственному вѣдѣнію пастырей церкви предоставлена была вся нравственная сторона народной жизни. Изъ такого благотворнаго вліянія духовенства на общественное образованіе мы можемъ объяснить всю силу нравственнаго воздѣйствія этого сословія на общество. Если всѣ явленія жизни вытекаютъ изъ религіозно-нравственныхъ побужденій, а эти послѣднія, при посредствѣ вѣры и образованія, воз-

никали, укрѣплялись и развивались подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ духовенства, то, очевидно, его вліяніе должно было проникать во всѣ стихіи общественной и частной жизни.

Вліяніе церковной школы такъ замѣтно отозвалось въ древней жизни нашей Руси, такъ крѣпко привязало ее къ вѣрѣ и Церкви, что для позднѣйшихъ ученыхъ нашихъ, особенно прошедшаго столѣтія и средины текущаго, показалось чрезмѣрнымъ и даже, будто бы, вреднымъ для народнаго развитія. Церковность и религіозный элементъ, по ихъ мнѣнію, убили нашу народную поэзію и литературу, сообщили ту исключительность во взглядѣ предковъ нашихъ на образованность, по которой наука и искусство не нашли для себя мѣста въ народномъ сочувствіи и не привились на воздѣланной духовенствомъ почвѣ народнаго развитія. Нужно было, говорятъ, народное образованіе вырвать изъ рукъ духовенства и основать его на началахъ, независимыхъ отъ Церкви.

Какъ мало исторической правды въ этомъ взглядѣ на русское народное образованіе показываетъ наша древняя литература, не только не доказывающая этихъ мыслей, но и совершенно ихъ опровергающая. Не входя въ разсмотрѣніе этихъ ложныхъ, ни на чемъ неоснованныхъ, предубѣжденныхъ мнѣній, замѣтимъ только, что подобный взглядъ на отношеніе вѣры и Церкви къ русскому народному образованію, какъ надо полагать, довольно неудачно перенесенъ съ Запада, снятъ съ средневѣковаго католичества и совершенно ошибочно приложенъ къ нашимъ историческимъ условіямъ. Тамъ, дѣйствительно, до самого шестнадцатаго вѣка наука была заключена въ строгихъ оковахъ католичества и дѣйствовала не иначе, какъ подъ его вліяніемъ и для видовъ папской власти. Поэтому неудивительно, что споръ разума съ деспотизмомъ вѣры на Западѣ разрѣшился реформаціею, и человѣчество оружіемъ должно было доказывать права своего разума.

Ничего подобнаго не было и не могло быть у насъ на Руси. Если вѣра была у насъ дѣйствительнымъ средоточіемъ всѣхъ силъ народныхъ, главнымъ двигателемъ и возбудителемъ народнаго сознанія, то это было великимъ благомъ для народа, находившаго въ своей вѣрѣ лучшую опору среди всѣхъ перенесенныхъ имъ испытаній. Духовенство русское никогда не злоупотребляло своимъ вліяніемъ, не домогалось мірской власти, не смѣшивало небеснаго съ земнымъ, политическаго съ церковнымъ, какъ это дѣлало духовенство западной церкви; силу своего нравственнаго вліянія оно всегда обращало на благо, на пользу земли русской, на духовное просвѣщеніе народа,—въ этомъ его величайшая заслуга. Поэтому и церковь наша всегда стояла на недосягаемой высотѣ ея небеснаго призванія. Наше русское духовенство хотя и было религіознымъ руководителемъ въ дѣлѣ народнаго образованія, но никогда не противодѣйствовало и общечеловѣческому развитію; и если мы замѣчаемъ въ древней Руси недостатокъ общаго научнаго образованія, то это происходитъ не вслѣдствіе монополіи духовенства, поставившаго вѣру важнѣйшимъ нравственнымъ двигателемъ для нашего народа, но потому, что научныя стремленія были подавлены тяжелыми историческими событіями, которыя все вниманіе народа обратили лишь на внѣшнее положеніе. Свободная наука, чистый интересъ знанія не могли развиться на той почвѣ, гдѣ вначалѣ происходила постоянная борьба дикихъ физическихъ силъ, гдѣ народъ всю энергію долженъ былъ тратить на то, чтобы отражать безпрестанныя покушенія на свою политическую самостоятельность. Въ древней литературѣ нашей мы находимъ цѣлый отдѣлъ литературныхъ произведеній, отразившій въ себѣ именно этотъ моментъ народной жизни, тяжелую борьбу съ народами азіатскими. Во всякомъ случаѣ, кто хоть сколько нибудь знаетъ нравы и правила нашего духовенства, тотъ не навяжетъ ему убѣжденій, которыя хотя что-либо имѣли общаго съ клерикальными убѣжденіями римско-католическаго

духовенства, не станетъ укорять его въ удушливой для развитія дѣятельности.

Когда намъ извѣстны главные органы древняго народнаго образованія и мѣста, гдѣ оно преимущественно развивалось, войдемъ теперь въ самыя училища древнія, и посмотримъ, какъ тамъ шло ученіе дѣтей. Много основаній предполагать, что древнія училища наши были не только мѣстомъ обученія, но и постояннымъ жилищемъ учащихся. Если въ настоящее время, вслѣдствіе выработанныхъ наукою понятій, признано нецѣлесообразнымъ отчужденіе воспитанниковъ отъ общества, въ которомъ они должны дѣйствовать впослѣдствіи, и если справедливо доказанъ весь вредъ такой разобщенности въ школахъ, то въ старину, по основаніямъ не менѣе разумнымъ, методъ, противоположный нынѣ общепризнанному, былъ принятъ и вполнѣ цѣлесообразно приложенъ къ историческимъ условіямъ времени. Трудно было бы обезпечить дѣйствительность и прочность внушеній и убѣжденій наставниковъ въ томъ случаѣ, когда дѣти, по окончаніи ученія, возвращались бы къ своимъ родителямъ, изъ которыхъ большая часть предана была еще язычеству и враждебно смотрѣла на школы. Конечно, изъ двухъ враждебныхъ другъ другу вліяній надлежало ожидать перевѣса домашняго вліянія предъ школьнымъ; и тогда уничтожилась бы самая цѣль учрежденій, и трудъ воспитателей парализовался бы обществомъ. Вслѣдствіе такого отношенія между школою и обществомъ нужно было оторвать молодое поколѣніе отъ стараго, разобщить ихъ, и воспитать новое поколѣніе, новыхъ отцовъ и матерей, которые передали бы дѣтямъ своимъ тѣ же правила, какія сами получили при воспитаніи. Вотъ здѣсь-то находится объясненіе сильнаго сопротивленія родителей, не совсѣмъ понятнаго въ томъ случаѣ, когда бы они разлучались съ дѣтьми на нѣсколько часовъ. Но они плакали по нимъ, какъ по мертвецамъ, безъ сомнѣнія потому, что разлучались съ ними на долгое, неопредѣленное время, можетъ быть безъ надежды на безпрепятственное свиданіе.

Какимъ началамъ слѣдовали воспитатели въ трудѣ обученія дѣтей,—на это есть указаніе въ замѣчательномъ наставленіи св. митрополита Михаила наставникамъ новоустроенныхъ школъ. Вотъ оно: «митрополитъ Михаилъ призываше къ себѣ всѣхъ тѣхъ учителей грамотныхъ, и наказываше ихъ правѣ и благочиннѣ учити юныя дѣти, яко же словесѣмъ книжнаго разума, такожде и благонравію, и въ правдѣ и въ любви, и началу премудрости, страху Божію, чистотѣ и смиренномудрію; учити же ихъ ни яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ, и сладкимъ поученіемъ и ласковымъ разсужденіемъ противу коегождо силы, и съ ослабленіемъ, да не унываютъ». (Степ. книга 1, стр. 143). Изъ этихъ словъ видно: 1) что училищная дисциплина была основана на кротости и любви, съ положительнымъ запрещеніемъ дѣйствовать строгими мѣрами. Такой принципъ, положенный въ основаніе народнаго образованія, обнаруживаетъ, кромѣ общихъ чувствъ гуманности, глубокое пониманіе условій времени и умѣнье дѣйствовать сообразно съ ними. Понятно, какъ тяжела была строгая дисциплина для дѣтей, въ первый разъ подвергавшихся болѣе или менѣе методическому процессу школьнаго обученія, воспитывавшихся въ патріархальныхъ нравахъ. При такихъ условіяхъ только кротость и любовь могли ослабить тягостное впечатлѣніе, неизбѣжно испытываемое дѣтьми при началѣ ученія, облегчать самый трудъ ученія и утвердить въ обществѣ доброе понятіе о школахъ. Такъ же дѣйствовалъ и Ростовскій епископъ св. Леонтій, о которомъ въ лѣтописи замѣчено, что онъ «младенцы къ церкви призываше и сладостно кутіею кормляше». Только такая дисциплина могла примирить самихъ родителей со школами и побудить ихъ охотнѣе отдавать дѣтей въ ученіе. 2) Изъ приведеннаго свидѣтельства о св. митрополитѣ Михаилѣ видно, что наши древнія училища имѣли не просто учебный, но и учебно-воспитательный характеръ. Такой методъ совершенно согласенъ былъ съ цѣлію приго-

товить людей не столько образованныхъ знаніями, сколько добрыхъ христіанъ; не столько познакомить съ результатами науки, сколько утвердить нравственныя основы народной жизни. Какая прекрасная цѣль! Какъ не пожелать, чтобы и въ наше время преслѣдовалась и достигалась образованіемъ та же высокая цѣль? Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что наши древнія школы съ этой стороны очень мало походили на западныя училища того же времени. Тамъ самое слово дисциплина у монаховъ называлось flagellatio (бичеваніе),—тамъ virga (розга) и scutica (плеть) были неизмѣнными условіями обученія. Между тѣмъ какъ духъ христіанской кротости составляетъ отличительную особенность нашихъ древнихъ школъ.

Въ устроенныхъ такимъ образомъ школахъ учили читать, писать и пѣть. Далѣе этого не шло школьное обученіе. Методъ народнаго обученія, состоявшій въ изученіи, послѣ славянской азбуки съ истолкованіемъ, Часослова и Псалтири, вполнѣ подходитъ къ программѣ нашихъ церковно-приходскихъ школъ. Въ особенности о Псалтири должно замѣтить, что она была любимѣйшею священною книгою нашихъ предковъ и имѣла величайшее значеніе; она была въ большомъ употребленіи не только у простого народа, но и у князей. Мономахъ имѣлъ ее при себѣ, когда возвращался въ Черниговъ и когда пришла ему добрая мысль написать знаменитое завѣщаніе своимъ дѣтямъ. Ее знали наизусть очень многіе, монахи пѣли стихи изъ Псалтири во время своихъ ежедневныхъ занятій. Множество мѣстъ изъ нея приводится въ древнихъ памятникахъ, писанныхъ не только духовными, но и свѣтскими людьми.—Ученіе письму, кромѣ правильнаго шрифта и красоты буквъ, состояло въ пріобрѣтеніи свѣдѣній о употребленіи буквъ и знаковъ надстрочныхъ и подстрочныхъ, которыхъ было не мало въ древней каллиграфіи. Изъ отмѣтокъ на поляхъ нѣкоторыхъ старинныхъ рукописей видно, что особые надзиратели слѣдили за письмомъ учениковъ и дѣлали имъ внушенія въ случаѣ небрежности

въ начертаніи буквъ и непрямыхъ линій почерка.—Пѣніе сначала у насъ было столбовое, въ одинъ голосъ, заключавшее во всѣхъ своихъ переливахъ и варіаціяхъ малое число нотъ. При Ярославѣ перенесено изъ Греціи пѣніе, такъ-называемое, демественное, исполнявшееся однимъ пѣвцомъ и хоромъ, вторившимъ пѣвцу; потомъ началось симфоническое, трехъ и восьми-голосное. Ноты назывались въ старину знаменіями и сперва состояли изъ буквъ, подобно греческимъ, потомъ ихъ замѣнили крюковыя ноты. Въ монастыряхъ женскихъ, кромѣ пѣнія, чтенія и письма, учили шитью, вышиванію и другимъ ремесламъ. Вотъ и весь курсъ древней школьной науки. Правда, онъ скуденъ и не идетъ далѣе самыхъ элементарныхъ приготовительныхъ свѣдѣній. Но за то эти свѣдѣнія усвоялись прочно и глубоко проникали въ душу; тѣмъ болѣе, что это были свѣдѣнія религіозно-нравственныя, составляющія основу жизни, а потому они и принесли такіе благодатные плоды древней Руси, ея просвѣщенію, ея внутреннему устроенію.

Развитія научныхъ свѣдѣній и ихъ широкаго примѣненія мы не можемъ и ждать отъ народа, только лишь вышедшаго изъ племенной жизни къ гражданскому быту. Но замѣчательно, что въ это время образованіе нашихъ предковъ было гораздо выше, чѣмъ въ послѣдующую эпоху жизни русскаго народа. Такъ, въ XII вѣкѣ встрѣчаются даже женщины, умѣющія писать, читающія книги и знающія наизусть многія мѣста Священнаго Писанія, а въ XV и XVI вѣкахъ даже вельможные бояре не умѣютъ подписать своего имени подъ государственною грамотой. Мѣры, предпринятыя въ началѣ нашей государственной жизни для народнаго образованія, конечно, не представляютъ ничего особенно блестящаго; но если бы онѣ укрѣпились на нашей почвѣ, если бы не помѣшали ихъ развитію историческія обстоятельства, онѣ могли бы дойти до важныхъ результатовъ. Не забудемъ, что не лучше, если не хуже, было общественное образованіе въ средніе вѣка и у западныхъ племенъ. Достаточно указать на то, что даже

сами епископы западные, собиравшіеся на соборы, вмѣсто подписей, чертили signum crucis manu propria ignoratione litterarum (т.-е. по неумѣнію писать начертывали своею рукой крестъ). Но западные европейцы были счастливѣе русскихъ въ своихъ историческихъ столкновеніяхъ. Нашему отечеству въ продолженіе многихъ вѣковъ суждено было имѣть дѣло съ народами азіатскими, которые ничего не приносили къ намъ, кромѣ меча и разрушенія, ничего не развивали въ насъ, кромѣ напряженныхъ физическихъ усилій, ничего не прививали къ нашему характеру, кромѣ грубости и жестокости. И при всемъ томъ, лѣтописи сохранили намъ сказанія о лицахъ, замѣчательно образованныхъ по тому времени, а древняя письменность представляетъ такія произведенія, которыя весьма много обѣщали въ будущемъ, и разсмотрѣніе которыхъ заставляло ученыхъ недоумѣвать, какія причины погубили впослѣдствіи всѣ надежды и изгладили слѣды древней образованности? Вотъ нѣсколько фактовъ въ подтвержденіе. У сына Ярославова Святослава была довольно большая библіотека: «книгами наполнилъ онъ свои клѣти», говоритъ лѣтопись и называетъ его очень образованнымъ человѣкомъ. Другой сынъ Ярослава Всеволодъ говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ, и выучился имъ не въ путешествіяхъ, но, по свидѣтельству Мономаха, сидя дома. Религіозная начитанность самого Мономаха видна изъ его сочиненій. Многіе князья знали греческій и латинскій языки, принимали къ себѣ грековъ и латинянъ и вступали съ ними на ихъ нарѣчіяхъ въ бесѣды и состязанія. Константинъ Всеволодовичъ, князь Владимірскій, былъ большой охотникъ читать, любилъ окружать себя людьми учеными, многія древнія греческія книги покупалъ высокою цѣной, такъ что однѣхъ греческихъ книгъ было у него болѣе тысячи.

Не ложный патріотизмъ, но соображеніе историческихъ данныхъ позволяло надѣяться, что Русь XI и XII столѣтій, ни въ чемъ не отстававшая отъ Запада, а даже во

многомъ превосходившая его, пойдетъ въ уровень съ нимъ и въ своемъ послѣдующемъ развитіи и также энергически будетъ осуществлять свою долю общечеловѣческаго предназначенія и тѣмъ успѣшнѣе, что на нашей почвѣ не было тѣхъ парализующихъ всякое развитіе вліяній, которыя, вытекая изъ самыхъ основъ древней западной жизни, на цѣлыя столѣтія замедляли свободное обнаруженіе народныхъ силъ и склонностей. Мы не стояли подъ всеподавляющимъ вліяніемъ папизма, и тяжелая рука инквизиціи не лежала на нашемъ развитіи; мы съ самаго возрожденія христіанскаго ученія могли слышать его на родномъ языкѣ, понимать его идеи въ живыхъ, близкихъ къ своему сердцу образахъ; мы не были осуждены постигать все христіанское не иначе, какъ въ формѣ римско-католической, и, не понимая чужого языка, довольствоваться лишь смутными религіозными представленіями.—Что же погубило всѣ надежды древней Руси, что подавило все ея тогдашнее развитіе? и притомъ до того, что когда Россія, сильною рукой Великаго Петра, опять познакомилась съ Западомъ, то увидѣла себя способною только къ ученической роли: тамъ все было для нея такъ ново, такъ неслыханно, что даже мелочи, пустыя приманки и забавы западной цивилизаціи показались ей настолько важными и привлекательными, что цѣлое столѣтіе она не могла оторваться отъ нихъ и готова была пожертвовать для нихъ всѣмъ лучшимъ своимъ достояніемъ,—и своимъ историческимъ развитіемъ и даже своею народностью! Ужели наша Русь православная должна всякій шагъ на пути своего духовнаго развитія покупать множествомъ ошибокъ, заблужденій и односторонностей? Отъ такихъ мыслей можно было бы придти въ отчаяніе, если бы твердыя надежды на лучшую будущность не ободряли нашу мысль.

Итакъ, повторяемъ, что же погубило всѣ надежды древней Руси, что подавило все ея тогдашнее развитіе?—Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ сравнитель-

нымъ обозрѣніемъ исторіи западной Европы и нашей русской. Для краткости мы укажемъ только общія соображенія, оставляя ихъ фактическую сторону.

Неизвѣстно, откуда пришли въ Европу наши предки—славяне. Народное преданіе указываетъ на Дунай, какъ на первоначальную родину славянъ въ Европѣ. Здѣсь часть ихъ поселилась по обѣимъ сторонамъ рѣки Дуная, образовавши особыя общины, изъ которыхъ впослѣдствіи составились придунайскія княжества. Другая же часть, оттѣсненная какимъ-то сильнымъ народомъ, двинулась къ сѣверу и заняла обширную долину Днѣпровскую, простираясь на сѣверъ до Ладожскаго озера. Пустынна была эта страна: лѣса и болота покрывали ее; здѣсь не было никакихъ историческихъ преданій, и рука человѣческая не оставила на ней никакихъ памятниковъ своей дѣятельности. Неизвѣстно, кто тутъ жилъ до славянъ, но несомнѣнно, что славяне ничего, кромѣ долинъ, холмовъ и лѣсовъ не нашли въ этой странѣ. То была нетронутая почва во всѣхъ отношеніяхъ, и славянамъ первымъ пришлось воздѣлывать ее и на ней воздвигать свою цивилизацію. Не нашлось здѣсь примѣровъ и образцовъ, которымъ можно было бы подражать; не было остатковъ исторической жизни, которые можно было бы усвоить, не осталось историческихъ преданій, которыми можно было бы начать свою исторію. Первый шагъ въ этомъ отношеніи должны были сдѣлать сами славяне.

Совершенно иное было положеніе племенъ, вошедшихъ въ составъ государствъ западныхъ. Ихъ можно раздѣлить на двѣ половины: одни начали свою народную жизнь еще при политическомъ существованіи великой римской имперіи, подъ ея эгидою и зависимостью; другіе ринулись на дряхлую монархію, когда она въ послѣдней агоніи умирала. Тѣ и другіе имѣли то общее преимущество предъ нашими предками, что основали свою гражданственность на землѣ исторической, исполненной семейныхъ, гражданскихъ и государственныхъ преданій, богатой множествомъ образ-

цовъ по всѣмъ родамъ общечеловѣческой дѣятельности. И народы, побѣжденные Римомъ, и его побѣдители сдѣлались равноправными наслѣдниками умственныхъ и нравственныхъ богатствъ, законными владѣтелями его успѣховъ въ цивилизаціи и гражданственности. Все содержаніе общечеловѣческаго развитія, оставленнаго греко-римскимъ міромъ, было уже готово, подъ рукою; оставалось только приложить его къ національнымъ, племеннымъ формамъ. Въ этой-то борьбѣ идеи съ формами, въ этомъ постепенномъ примиреніи общечеловѣческаго съ національнымъ и состояло уже все дальнѣйшее развитіе западныхъ государствъ послѣ паденія Рима.

Само собою очевидно, какъ много значило такое преимущество племенъ западныхъ предъ славянскимъ. Между тѣмъ, какъ славяне цѣлыя столѣтія должны были трудиться надъ развитіемъ собственной національности, и своими лишь средствами производить улучшенія въ нравственномъ и матеріальномъ бытѣ своемъ, племенамъ западнымъ приходилось только усвоить себѣ богатые запасы исторической жизни древняго міра, оставшіеся имъ въ наслѣдство. Что же касается до византійскаго вліянія на наше Отечество, то это вліяніе не могло замѣнить для него тѣхъ богатствъ, какія Западъ наслѣдовалъ отъ Рима. Оно было довольно слабо по отдаленности Византіи отъ Русскаго Государства и ограничивалось для насъ только внѣшностію, не проникая въ глубину народной жизни. А потому плодовъ цивилизаціи, древней науки и искусства, мы почти совсѣмъ не наслѣдовали. Они перешли туда же, на Западъ, особенно послѣ паденія Византіи; тогда мы сами стали недовѣрчивы къ образованности грековъ, слишкомъ низко упавшихъ тогда въ нашихъ глазахъ.

Но если слабо было вліяніе византійской науки и искусства на образованіе древней Россіи, то слишкомъ замѣтными остались слѣды постояннаго соприкосновенія нашихъ предковъ съ племенами азіатскими. Географическое положеніе славянъ въ Европѣ, открытое съ востока для втор-

женія азіатскихъ кочевыхъ народовъ, имѣло такое вліяніе на нашу исторію, что, въ продолженіе почти всего періода до-монгольскаго, Россія должна была напрягать свои физическія силы къ тому, чтобы отражать нападеніе ордъ и защищать свою политическую самостоятельность. Сначала дикія орды, замѣчательныя только своимъ огромнымъ ростомъ и дикою, неистовою силой, потомъ хазары, печенѣги и половцы, пожегшіе множество русскихъ селеній и городовъ,—вотъ постоянные сосѣди древней Руси въ продолженіе первыхъ трехъ столѣтій. Чѣмъ можно было попользоваться отъ такихъ недруговъ? Что добраго и полезнаго можно было взять отъ нихъ и усвоить себѣ? Очевидно, ничего, кромѣ – грубости, которая замѣтно отразилась въ характерѣ нашихъ древнихъ эпическихъ героевъ, въ которыхъ народная фантазія воплотила борьбу съ кочевниками. Въ такихъ сношеніяхъ, конечно, должны были получить преимущественное развитіе силы физическія, а нравственная сторона народнаго характера грубѣла, и, привыкая къ жестокости враговъ, проявляла ее и въ отношеніи къ своимъ.

Счастливѣе были въ этомъ отношеніи народы Запада, можетъ быть потому, что Россія, какъ ближайшая страна къ Азіи, какъ передовая страна Европы, приняла на себя большую часть ударовъ, наносимыхъ оттуда на Европу. Азія послала и на Западъ свою силу, но въ лицѣ арабовъ, а не хазаръ, печенѣговъ, половцевъ и, наконецъ, монголовъ. Арабы внѣшнимъ просвѣщеніемъ своимъ далеко превосходили племена, воевавшія съ нами. Вмѣстѣ съ оружіемъ арабы внесли въ Провансъ и Испанію науки и поэзію; арабы напомнили Европѣ о древнихъ писателяхъ, забытыхъ во времена варварскія.

Такимъ образомъ, постоянная борьба съ дикими силами азіатскихъ народовъ, порабощавшихъ Россію, отвлекавшая все вниманіе нашихъ предковъ отъ внутренняго развитія для защиты себя отъ враговъ, была однимъ изъ

сильнѣйшихъ препятствій въ историческомъ движеніи России на пути просвѣщенія. Вотъ что губило нашу древнюю образованность и останавливало наше умственное развитіе. И если мы окончательно не огрубѣли, если не упали духомъ, не подчинились варварской силѣ дикихъ ордъ, не потерялись въ неравной внѣшней борьбѣ, но сохранили въ себѣ лучшіе задатки народной жизни и надежду на великое будущее, не всѣмъ ли этимъ мы обязаны нашей вѣрѣ православной, которую свято хранили въ себѣ? Та же вѣра православная спасала наше Отечество въ годины искушеній и во всѣ времена нашей исторической жизни. Какое въ этомъ сильное побужденіе дорожить нашею православною вѣрой и духовнымъ просвѣщеніемъ!

Нельзя сказать, чтобы и теперь мы совершенно освободились отъ иноземнаго нашествія. Такова участь нашего многострадальнаго Отечества. Но въ настоящее время уже не съ азіатскаго Востока, а съ западной Европы устремляются на насъ страшныя полчища въ видѣ чудовищныхъ ученій и разрушительныхъ идей соціализма, анархіи и атеизма. Уже не мало бѣдъ успѣли причинить намъ эти незримые враги нашей государственной жизни и духовнаго благосостоянія. Они горше первыхъ нашихъ азіатскихъ поработителей, ибо сказалъ намъ Господь: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити; убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ геееннѣ* (Мѳ. 10, 28). И теперь, при томъ болѣе, чѣмъ прежде, мы должны противопоставить нападеніямъ вражіимъ мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій, воодушевить народныя массы крѣпкою спасительною вѣрой, воспитать сердца ихъ непоколебимою христіанскою надеждой и направить ихъ на путь добродѣтели, къ чему призваны наши церковно-приходскія школы, развитіе и умноженіе которыхъ съ такой радостью привѣтствуются теперь всѣми истинными друзьями Церкви и Отечества. Пусть же въ обиліи распространяются онѣ по всему не-

объятному пространству великой Россіи, пусть съ успѣхомъ развиваютъ свою просвѣтительную дѣятельность отъ хладныхъ бреговъ Ледовитаго океана до теплыхъ водъ Евксинскаго понта, отъ Прибалтійскаго края до предѣловъ Камчатки, всюду утверждая чистое Православіе, укрѣпляя Царское Самодержавіе и возвышая русскую народность, да уразумѣютъ вси языцы, яко съ нами Богъ.

2007059148